

Т. Г. Иванова   Т. G. Ivanova
(Санкт-Петербург)   (Saint Petersburg)

Зрелищные формы традиционной культуры в Москве второй половины XIX в. (по мемуарам П. И. Богатырева)   **Scene forms of traditional folk culture in Moscow in the second half of the XIXth century (by the memoirs of P. I. Bogatyrev)**

Аннотация

В статье рассматриваются как источник для воссоздания зрелищной культуры Москвы мемуары известного певца второй половины XIX в. Павла Ивановича Богатырева. Обращается внимание на описание медвежьей травли, кулачных боев, разыгрывание народных драм «Царь Максимилиан» и «Лодка» и прочих форм традиционной жизни города.

Ключевые слова: Павел Богатырев, Москва, народные зрелища, медвежья травля, кулачные бои, народные драмы «Царь Максимилиан», «Лодка»

Abstract

The article considers the memoirs of Pavel Ivanovich Bogatyrev, the famous singer of the second half of the XIXth century, as a source for reconstructing the traditional folk show's culture of Moscow. Attention is drawn to the description of bear harassment, fistfights, playing the folk dramas "Tsar Maximilian" and "Boat", and other forms of traditional city life.

Keywords: Pavel Bogatyrev, Moscow, folk shows, bear harassment, fist fights, folk drama "Tsar Maximilian", "Boat"

Павел Иванович Богатырев вошел в историю русской культуры как видный оперный певец¹. Он родился в Москве 15 (27) июля 1849 г. Социальная среда П. И. Богатырева — это Рогожская застава, улицы, напоминающие знаменитую Растеряеву улицу из очерков Глеба Успенского. Рогожская застава была одним из центров старообрядчества. Предки П. И. Богатырева принадлежали к разным старообрядческим толкам, однако отец певца, старообрядец поповского толка, перешел в ортодоксальную православную церковь. Сына родители крестили в церкви. Основой экономического благополучия семьи являлась живодерня, где заканчивали жизнь старые лошади, быки, коровы, собаки, свиньи и другие животные. Ни отца, ни мать Богатырева семейное дело,

¹ Богатырев Павел Иванович // Музыкальная энциклопедия. М., 1983. Т. 1. С. 498; Пружанский А. М. Отечественные певцы. 1750–1917. М., 1991. Ч. 1. С. 61–62.

несмотря на приличную прибыль, отнюдь не удовлетворяло. Для своего сына они желали другой доли, которую, вполне справедливо, связывали прежде всего с образованием. Мальчик был отдан в Полторацкое училище (закрытого типа), где учились дети богатых купцов. Когда в 14 лет Богатырев высказал желание учиться игре на скрипке, отец нанял ему учителя. С 18 лет юноша, обладавший прекрасным голосом (тенор), поставленным от природы, учился пению опять-таки частным образом; пробовал получить систематическое музыкальное образование в Петербурге в Придворной капелле и даже в Петербургской консерватории, затем брал уроки у профессора Московской консерватории В. Н. Кашперова, пока в 1874 г. (т. е. в 25 лет) не состоялся его дебют в опере.

Оперная карьера Богатырева — это провинциальные театры, постоянные разъезды по разным городам России с различными антрепренерами. С 1886 г. он в Москве — у антрепренера М. Лентовского, в Частной русской опере С. Мамонтова, в Сергиевском народном доме, наконец, в Большом театре, а затем в Товариществе русской частной оперы Солодовникова (1897–1902). Оперный певец Василий Петрович Шкафер свидетельствует, что Богатырев был обладателем «чисто грудного, героического голоса, совершенно исключительной силы и звучности, легко побеждавшего самую высокую тесситуру, до „ре бемоля“ включительно»: «Это не анекдот, что Богатырев на пари тушил керосиновую лампу, когда брал верхние, буквально стенобитные ноты. Он гордился, что мог с блеском спеть из „Жизни за царя“ арию Собинина „Братцы, в метель“, обыкновенно в опере выпускаемую. Ария эта, необыкновенной трудности, требует от певца исключительного голоса и виртуозного исполнения»². Голосу соответствовала стать удалого молодца, что было не последней причиной его сценического успеха.

Однако конец жизни Богатырева был драматическим, если не трагическим. Он начал пить, постепенно теряя голос, оперная сцена оказалась для него закрытой. Б. А. Щетинин пишет: «...под конец жизни должен был ради куска хлеба подвизаться на ресторанных и кафе-шантаных подмостках, снискивая себе скудное пропитание жалкими остатками некогда дивного, чарующей красоты и мощи голоса»³. Скончался Богатырев 17 (30) января 1908 г.

На закате жизни П. И. Богатырев стал писать мемуарные очерки, печатавшиеся в 1906–1909 гг. в «Иллюстрированных прибавлениях» к «Московскому листку»⁴.

² Шкафер В. П. Сорок лет на сцене русской оперы. Воспоминания. 1890–1930 гг. Л., 1936. С. 20.

³ Щетинин Б. А. Артист-самородок (Памяти П. И. Богатырева) // Ист. вестник. 1908. № 7. С. 206.

⁴ Приводим полное библиографическое описание. В 1906: *Богатырев П. И.* По дороге от Москвы к Троице-Сергиевой лавре (Из моих воспоминаний) // Московский листок: Иллюстрированное прибавление. 1906. 12 февр., № 7. С. 7–12; 19 февр., № 8. С. 6–13; 26 февр., № 9. С. 2–5; В розлив по Волге (из моих воспоминаний) // Там же. 1906. 16 апр., № 15. С. 5–11;

Эти воспоминания оказываются чрезвычайно привлекательными для фольклористов. Богатырев предстает вдумчивым наблюдателем традиционной жизни русского народа и талантливым повествователем. В его мемуарах мы находим свидетельства того, чем жила московская мещанская окраина в фольклорном плане, в частности здесь в разных ракурсах представлена зрелищная культура московского простонародья (и не только простонародья).

Первое зрелище, запечатленное в мемуарных очерках Богатырева, — это «травля», которой, наряду с живодерней, до 1866 или 1868 г. владела его семья. «Травля», по описанию мемуариста, представляла круг, обнесенный местами для публики и называвшийся «амфитеатром». Отец Богатырева владел несколькими медведями и двумя сотнями собак (меделянские, мордаши и овчарные). «Сама травля, — пишет П. И. Богатырев, — происходила так: с медвежьего двора выводили на канате в „круг“ медведя и привязывали его за кольцо, ввинченное в крест-накрест зарытые в землю бревна. Для движения медведю канат пускался никак не менее четырех с половиной аршин.

При выходе медведя публика оживлялась, кричала и аплодировала неведомо кому. Собаки для травли выводились со двора и размещались вокруг „круга“, привязанные к столбам. Когда медведь привязан, шли за собаками, которые отцом были распределены заранее „по списку“. Отец стоял в „кругу“, а около него —

На Кавказе (Из моих воспоминаний) // Там же. 1906. 2 мая, № 17. С. 6–9; 7 мая, № 18. С. 11–15; За границей (Из моих воспоминаний) // Там же. 1906. 14 мая, № 19. С. 7–10; В Киеве (Из воспоминаний) // Там же. 1906. 28 мая, № 20. С. 3–10; 4 июня, № 21. С. 2–4; По берегам Черного моря // Там же. 1906. 11 июня, № 22. С. 2–10; 18 июня, № 23. С. 11–14; 25 июня, № 24. С. 6–7; Московская старина. Крестовская застава // Там же. 1906. 2 июля, № 25. С. 10–14; 9 июля, № 26. С. 6–11; Московская старина. Бутырская застава // Там же. 1906. 16 июля, № 27. С. 3–6; Московская старина. Китай-город // Там же. 1906. 23 июля, № 28. С. 2–7; 6 авг., № 30. С. 2–3; 13 авг., № 31. С. 2–3; Московская старина. Вокруг Китай-города // Там же. 1906. 20 авг., № 32. С. 6–10; 27 авг., № 33. С. 7–11; 3 сент., № 34. С. 6–11; 10 сент., № 35. С. 2–6; Московская старина. Рогожская застава // Там же. 1906. 17 сент., № 36. С. 4–7; 24 сент., № 37. С. 5–7; 1 окт., № 38. С. 10–16; 8 окт., № 39. С. 6–12; 19 окт., № 40. С. 4–6; Московская старина. Кулачные бои // Там же. 1906. 22 окт., № 41. С. 8–14; 29 окт., № 42. С. 6–12; Московская старина. Театры и увеселения // Там же. 1906. 5 нояб., № 43. С. 5–7; 12 нояб., № 44. С. 11; 19 нояб., № 45. С. 9–10; Московская старина. Покровская застава // Там же. 1906. 26 нояб., № 46. С. 5–7; 3 дек., № 47. С. 7–13; 10 дек., № 48. С. 5–6; 17 дек., № 49. С. 3–7.

В 1907: Московская старина. Святки // Там же. 1907. 1 янв., № 1. С. 2–3; Московская старина. Серпуховская застава // Там же. 1907. 21 янв., № 4. С. 6–11; Московская старина. Калужская застава // Там же. 1907. 28 янв., № 5. С. 5–10; Московская старина. Дорогомилловская застава // Там же. 1907. 4 февр., № 6. С. 1–2.

В 1908: На долгом пути // Там же. 1908. 12 окт., № 41. С. 8–11; 19 окт., № 42. С. 12–14; 26 окт., № 43. С. 8–9; 2 нояб., № 44. С. 7–9; 9 нояб., № 45. С. 12–14; 16 нояб., № 46. С. 4–6; 23 нояб., № 47. С. 7–10; 30 нояб., № 48. С. 8–9; 7 дек., № 49. С. 6–10; 14 дек., № 50. С. 5–7.

В 1909: Из недавнего прошлого (Записки покойного П. И. Богатырева) // Там же. 1909. 11 янв., № 2. С. 8–12; 18 янв., № 3. С. 10–12; 25 янв., № 4. С. 7–10; 1 февр., № 5. С. 8–11; 8 февр., № 6. С. 6–13; 15 февр., № 7. С. 10–12; 22 февр., № 8. С. 5–7. Часть мемуаров, касающихся Москвы, републикована в сб.: Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX в. М., 1964.

„новодеревенские“ мужики, с дубовыми рычагами в руках, готовые не только пустить в ход рычаги на медведя, но и на публику, что и бывало»⁵.

Происходили бои и между двумя медведями: «Один медведь привязывался к кольцу, а другой на „распетлях“ наводился на него. Наводился обыкновенно доморощенный медведь Васька, которого можно видеть теперь в Этнографическом отделе Румянцевского московского музея» (с. 16). «Васька был большой любитель медвежьего боя, — продолжает Богатырев. — Он сразу бросался на соперника, и оба они, встав на задние лапы, старались повалить друг друга» (с. 16).

Словом, зрелище, устраиваемое по воскресеньям во время Великого поста, было вполне в духе пушкинского Троекурова. В «травле» юношей участвовал и сам Богатырев, причем однажды медведь чуть не заломал его, и мемуаристу пришлось убить зверя.

Публики на «травле» собиралось до трех тысяч человек — азартных, возбужденных, разгоряченных алкоголем. Порой толпа становилась для устроителей «травли», да и друг для друга столь же опасной, как и медведи. Богатырев упоминает о драке, описание которой попало в статью «Травля на травле» в журнале «Зритель». Об отце мемуариста там говорилось: «...а бесстрашный Богатырев стоит в своей красной лисьей шубе...» (с. 14). Описывает он и случай, который произошел вскоре после Крымской войны. На «травлю» явились пьяные морские офицеры, направившие свой кураж против отца Богатырева: «Богатырева травить! Бороду ему вырвать!» (с. 14). Становой не смог утихомирить офицеров. Тогда Богатырев-старший послал к морякам новодеревенского крестьянина Дмитрия Большого — богатыря, известного кулачного борца. Один из офицеров схватил Дмитрия Большого за бороду; тот бросил моряка, как котенка, в «круг». Началась драка между публикой и новодеревенскими мужиками, в результате которой публика вынуждена была спасаться бегством.

На «травле» травили не только медведей, но и быков: «Когда была травля на быка, публики съезжалась масса. Травля была очень опасна и чрезвычайно красива», — отмечает Богатырев (с. 14). Одно из зрелищ «травли» описывается следующим образом: «Бык сделал прыжок и стал рогами рыть землю; в этот момент из нарочно устроенного окна был выпущен на него наш отличный ходок на быка Бушуй, а след за ним такой же ходок Голубой. Оба эти пса были и легки, и ловки, и приемисты. Не успел бык опомниться, как они оба уже сидели у него на ушах» (с. 16). Затем выпускались другие собаки, которые облепляли голову быку.

Помимо «травли» в мемуарах П. И. Богатырева мы находим описание, как солдаты на святках в одном из трактиров разыгрывали «Царя Максимилиана»⁶.

⁵ *Богатырев П. И.* Московская старина. Рогожская застава // Московский листок: Иллюстрированное прибавление. 1906. 1 окт., № 38. С. 12.

⁶ *Богатырев П. И.* Московская старина. Святки // Московский листок: Иллюстрированное прибавление. 1907. 1 янв., № 1. С. 2–3.

Неважно, как оценивает повествователь это явление народного театра; важно само свидетельство, представленное в деталях, не всегда улавливаемых профессиональными собирателями в экспедиционных условиях: «Видал я, как, бывало, в один из святочных вечеров собирались солдаты из Крутицких казарм в один из трактиров у Покровской заставы и давали „представление“, изображая какого-то „Царя Максимилиана“. Что это не русская вещь, это несомненно: названья действующих лиц тому доказательство; кроме этого Максимилиана там действует непокорный сын его Адольф, скороход-фельдмаршал и другие в этом роде. Подробностей этого „представления“ я хорошо не помню, а помнится, что непокорность сына Адольфа заключалась, кажется, в том, что он принял христианскую веру, что не нравилось отцу Максимилиану, и он ежеминутно вызывал через скорохода-фельдмаршала своего сына и грозил ему наказанием, но сын упорствовал.

— Скороход-фельдмаршал, — возглашал царь Максимилиан со своего трона, воздвигнутого из двух трактирных столов, накрытых скатертью, и поставленного на них стула.

Скороход-фельдмаршал быстро являлся.

— Приведи ко мне непокорного сына Адольфа! — повелевал Максимилиан.

Фельдмаршал быстро удалялся и вел окруженного стражей Адольфа.

Царь грозил казнью, Адольф не сдавался, его уводили, снова приводили — и все одно и то же. Чем кончилось это „представление“ — не помню.

Царь был одет в красную коленкоровую мантию с бумажной короной на голове и со скипетром. Адольф в какую-то фуфайку, а у скорохода-фельдмаршала на голове торчали разноцветные перья, как у индейца».

И далее Богатырев продолжал, описывая уже другое солдатское «представление» — «Лодку»: «Давали еще представление „Атаман-разбойник“, очевидно, изображая Стеньку Разина. Тут атаман вызывал эсаула, и между ними шел разговор, который напоминал „Братьев-Разбойников“ Пушкина, но исковерканный до неузнаваемости. Выходил сначала один атаман и начинал:

Не стая ворон слеталась
На груды тлеющих костей,

а там уже шла такая белиберда, что и понять было трудно. Потом садились все в лодку, то есть на пол, гребли веслами, а атаман все заставлял эсаула глядеть в подозрную трубу: не видно ли где добычи? Потом с песней „Вниз по матушке по Волге“ приворачивали не то к Аксиньину, не то к Акулинину двору, где и начинался пир горой. Хозяин трактира угощал актеров. Народа набирался полный трактир, и хозяин торговал на славу» (с. 3).

Мемуарист сохраняет для нас свидетельство того, что на святки в московские купеческие дома являлись ряженные с традиционными Медведем и Вожаком, с Козой и Барабанщиком, с барышнями, переодевшимися кавалерами.

Из зимних зрелищных увеселений описываются рысистые бега по льду Москва-реки, устраиваемые недалеко от Кремля и собиравшие множество публики

на дармовое для нее зрелище: «Во время бега обе набережные и оба моста, Москворецкий и Большой Каменный, были переполнены любопытствующим народом»⁷. Любимым зрелищем было соревнование троек; самой прославленной тройкой долгое время была тройка некоего Караулова: «Но Карауловской тройке, как она ни была „остра“, пришлось налететь на „зубатый сук“. На бегах появился со своей тройкой простой мужик Лаптев. Тройка его запряжена была в простые дровни с мочальной сбруей, сам он и его подручный, сын его, были в лаптях, в деревенских шубах, шапках» (с. 7). Встреченный со стороны зрителей смехом, этот мужик, по фольклорным законам предварительной недооценки героя, оказался победителем состязаний. По слухам, саратовский крестьянин, занимавшийся гужевым промыслом, он лет 7–8 приезжал в Москву на бега. Приведем еще одну цитату: «В другой раз Лаптев на всем ходу остановил тройку, чтобы поднять слетевшую с головы шапку, и, вздвинув ее, снова крикнул на своих коней, и они, как сокол, сразу сорвались с места „во весь дух“ без всякого „разбега“ — так быстро они „принимали“. И на этот раз Лаптев не пустил никого „во флаг“» (т. е. выиграл соревнование) (с. 7).

Один из очерков Богатырева посвящен кулачным боям⁸. Описывая кулачные «стенки», Богатырев называет места, где они происходили в его время: у Преображенской, Семеновской, Спасской, Проломной и Рогожской застав; в Новой деревне, за Покровским монастырем, в Даниловке, за Серпуховской заставой, на Москве-реке, у Новоспасского монастыря, между Симоновым монастырем и деревней Кожухово. Упоминает, что бойцы делились между собой или по административному принципу, или на основании какой-нибудь естественной границы (речка, овраг, пустырь). Мемуарист пишет: «„Стенку“ всегда начинали мальчишки, преимущественно фабричные-„шпульники“; к ним присоединялись подростки и, наконец, с какой-нибудь стороны выступал уже настоящий парень. Это было сигналом к „заправскому“ бою. Тогда с обеих сторон выступали взрослые, но это еще не „бойцы“ — это просто „рядовые“. Но вот меж зрителями пронесся шепот, что вот, мол, к рогожским приехал такой-то, и напряжение публики возрастает.

Обыкновенно бойцов привозили на своих рысаках любители-купцы, не принимавшие сами участия в бою.

Но вот „стенка“ растет и растет; на одной из сторон оказывается больше народу, и она все одерживает победу. Тогда с другой стороны выступает боец „гастролер“ и задерживает почти тысячную толпу, готовую хлынуть на противника» (№ 41. С. 11).

---

⁷ *Богатырев П. И.* Московская старина. Вокруг Китай-города // Московский листок: Иллюстрированное прибавление. 1906. 20 авг., № 32. С. 7.

⁸ *Богатырев П. И.* Московская старина. Кулачные бои // Московский листок: Иллюстрированное прибавление. 1906. 22 окт., № 41. С. 8–14; 29 окт., № 42. С. 6–12.

«Гастролеры», т. е. выдающиеся бойцы, играли решающую роль в исходе кулачных боев, которые отнюдь не всегда заканчивались так благостно, как они порой описываются в этнографической литературе: «И на этот раз долго не было победы ни на чьей стороне. В этот день одну сторону представляли: рогожские ямщики, лавочники, мясники и новодеревенские крестьяне, а с другой стороны были жители Новоселенской улицы с ее переулками, Крутиц, дубровские крестьяне и фабричные из Кожевников.

Народу собралось несколько тысяч. Бились лихо, зло. С Рогожской стороны выступил Иван Зубов и погнал противную стенку к Спасской заставе, но ему навстречу выступил Титка. Зубов остановился и ждал. Титка налетел на него, и Зубов стал отступать, а с ним и „стенка“. Но в эту суматоху вдруг ворвался озорной Скрябин, и от его удара Титка, перевернувшись, слетел с ног. И пошел косить Скрябин! <...> К Скрябину присоединились Дмитрий Большой, Свешников и некто „вотошник“ <...> Они погнали своих соперников за Спасскую заставу, к Крутицким казармам, загнали в переулки и там били так, что небу жарко. У побежденных в руках оказались колья и камни, где-то добытые, хотя дело было зимой. Это не испугало рогожских. Озлобленные нарушением „рыцарского устава“, они с большой энергией накинулись на врагов, вырвали у них колья и пошли ими махать во все стороны. Противная сторона струсила и стала разбегаться по дворам; преследователи пустились за ними, разыскивали их в конюшнях, в сараях и даже врвались в квартиры. Били и лежащих» (№ 41. С. 11–14).

Зрелищные спортивные соревнования, которыми развлекалась взрослая Москва, оказывали влияние и на детский быт. На Рогожской заставе подростки устраивали соревнования в беге, причем на эти летние игры собирались и зрители. В мемуарах читаем: «Наш „тридцати-верстный“ бег заключался в том, что от данного места, т. е. от „беседки“, которую изображали наши ворота, надо было пробежать кругом Камер-Коллежского вала, через Покровскую заставу и смежную с ней Рогожскую, что в общем составляло версты полторы. Призы на эти бега состояли из игрушек от Троицы⁹, которые я закупал там для этого, а также из разных книг и небольших денег, которые собирались тут же среди зрителей»¹⁰.

Зимние детские соревнования по своим атрибутам еще в большей степени подражали взрослым спортивным состязаниям. Устраивались «лошадиные» бега, в которых «лошадьми» были сами ребяташки. «Лошади» запрягались в саночки, к которым привязывались оглобельки. Управлял «лошадьми» ездок. Бега были одиночными, в пару и троечные. На бега надо было заранее записаться и даже внести плату: «...смотря по ценам приза, — шесть или двадцать гнезд бабок с каж-

⁹ Имеются в виду игрушки, покупавшиеся во время ежегодных поездок семьи Богатыревых в Троице-Сергиеву лавру.

¹⁰ *Богатырев П. И.* Московская старина. Покровская застава // Московский листок: Прибавление. 1906. 3 дек., № 47. С. 7–10.

дой беговой „лошади“» (с. 10). Заранее делались афиши, расклеиваемые в районе Рогожской заставы. Цитируем: «Каждая лошадь носила имя. Так, например, обо мне на афишах писалось: „Г. Мясникова «Подарок», вороной жеребец, собственного завода“ — в подражание знаменитому тогда рысаку» (с. 10).

Продолжаем цитату: «Зрителей собиралось очень много, — даже с улиц и не нашего района. „Лошади“ фыркали, били ногами, одним словом „просили ходу“. Случалось иногда, что „наездник“ и подерется с „лошадью“ из-за чего-нибудь, но такие лишались права „на бег“ и сводились с круга. Наконец, раздавался звонок, и „лошади“ въезжали в круг. По второму звонку становились на места и по третьему пускались. Очень интересно было смотреть, как, задравши головы вверх, мчались „лошади“, а наездник только поощряет тихонько да поглядывает на свою „лошадь“. Тройки должны были скакать, бежать воспрещалось <...> Тройки возбуждали большой интерес, и выигравшая призом „лошадь“ встречалась аплодисментами и криками „браво“» (с. 10).

Во многих очерках П. И. Богатырева описываются весенне-летние гулянья, позволяющие ощутить аромат русского города второй половины XIX в. Из одного из очерков¹¹ можно узнать топографию московских гуляний: «Простонародье веселилось на Пасхе „Под Новинским“, а в другие летние праздники — у монастырей, в день их храмовых праздников. Так, 28 июля — у Новодевичьего монастыря, 1 августа — под Симоновым монастырем, 6-го августа — у Спаса-Нового, 15 и 16 — у Андроньева монастыря, 19-го — у Донского, 26-го — у церкви свв. Адриана и Наталии, у Сухаревой башни, 1-го сентября — у Данилова монастыря» (№ 45. С. 9). Богатырев упоминает традиционные летние увеселения (балаганы, карусели, «райки», «петрушка», игры в «бабки», «орлянку»), а затем сосредоточивается на хороводах: «Но более всего любили хороводы. Помню хорошо один из таких хороводов. Это было за заставой, недалеко от Калитниковского кладбища. Народу собралось много; один хоровод состоял, смело скажу, не менее как из двухсот человек, если не больше. Пестрые, яркие платья и сарафаны женщин, рубахи и поддевки парней представляли веселую картину. Кругом на пригорочках, кучках и кочках — масса народа. Все оживлены в ожидании предстоящего удовольствия. Долго, помню, сговаривались в хороводе, — наконец, сговорились. На середину в круг вышел молодой парень, фабричный с „Чесменской мызы“. Красивый и ловкий на вид, он всем поклонился, потом обошел весь круг и встал на свое место.

„Полоса ль, моя полосынька“,

зазвенел его закатистый тенор.

„Полоса ль, моя непаханная“,

---

¹¹ *Богатырев П. И.* Московская старина. Театры и увеселения // Московский листок: Прибавление. 1906. 5 нояб., № 43. С. 5–7; 12 нояб., № 44. С. 11; 19 нояб., № 45. С. 9–10.

подхватил хор и пошел кругом в одну сторону. На середине песни хоровод остановился и, немного постояв, пошел в другую сторону. Пение было стройное, голоса молодые, звонкие, да хотелось и щегольнуть, — уж очень много слушателей было. Потом пели „Во лужях“, „На горе-то калина“, „Уж как пал туман“ и, смотря по ходу песни, воспроизводилось и действие — выходила девица к парню, кланялась ему и стлала ему „постелюшку“ в виде платка и т. д.» (№ 45. С. 10). Хороводы, подчеркнем, были не только молодежным развлечением, но и зрелищем, собиравшим множество зрителей.

Такие, сугубо традиционные народные гуляния в Москве второй половины XIX в. соседствовали с городскими формами. Одним из любимых было гулянье на 1 мая в Сокольниках. Богатырев описывает все приметы гуляний богатого города: рысаки и экипажи, рядом фабричные и мастеровые, самовары, разносчики мороженого и кваса, шарманщики, музыканты и песенники. Читатель находит в очерках «истинно народного певца — художника-самородка» Осипа Кольцова, державшего свой хор: «Его голос как нельзя более подходил к русским песням: он не пел, а так сказать, „заливался“, пересыпая песню народным остроумием»¹².

Помимо Осипа Кольцова Сокольники знали некоего балалаечника, ходившего с маленьким столиком, на котором две фигурки плясали «Русского»: «Музыкант, играя на балалайке, дергал в то же время за ниточку, и фигурка вертелась, вздергивая руками и ногами. Играл он лихо, и за ним ходила толпа» (с. 8–9).

Описывает Богатырев и гулянья в Марьиной роще, особенно красочные в Семик: «Марьину рощу посещали больше москвичи среднего класса, фабричные, мастеровые. В роще было два трактира; один из них назывался „Цыганский“, потому что здесь пели цыгане; в другом пели песенники — остаток когда-то известного в Москве Александровского хора. Александров этот был купец, любитель русских песен, и образовал хор, который, по отзывам старожилов, пел очень хорошо. Александров подбирал голос к голосу. Вот как в песне поется:

Что она ни чешет, что она ни гладит,
Волос к волосу кладет...

Так и он, как волос к волосу, подбирал голос к голосу. Оставшихся от хора было десять человек, и все они были уже седые, шестидесятилетние старики. Голоса их, конечно, утратили былую свежесть, но все еще были крепки, и пели они очень стройно. Забавно было слышать, как почти семидесятилетний старик-запевало начинал модную тогда песню-романс:

Кринолин, кринолин,
Подкузьмил ты меня...

---

¹² *Богатырев П. И.* На долгом пути // Московский листок: Прибавление. 1908. 23 нояб., № 47. С. 8.

Публика любила этих певцов, оставшихся верными своему делу до глубокой старости и поддерживавших былую славу Александровского хора» (с. 9–10).

Зрелищем для московских окраин, впрочем, как и для русской деревни, становились и свадьбы, в которых причудливо переплетались традиционные обрядовые действия и стремление подражать «благородному» обществу¹³. Свадьбы знали все основные этапы обряда — сватовство; предсвадебные вечера с величальными песнями жениху и невесте и старшим родственникам; шитье приданого девушками, ежедневно собиравшимися в доме невесты; сговор — «последний торжественный вечер у невесты». Но большой город диктовал своим мещанским окраинам и новые правила: «На „сговор“ нанимался „кондитер“, и ему заказывали торжественный ужин, на котором обязательно служили официанты. Кондитер уже с утра въезжал в дом со всей своей рухлядью: столами, стульями, посудой, кастрюльками и прочими принадлежностями кулинарного искусства <...> На вечер нанимались музыканты для танцев и игры за ужином. Приглашали плясуну, а иногда находились и свои. Плясали, действительно, лихо — каждая нитка говорила. Посмотреть на „русскую“ собирались в залу все гости, даже карты, и те оставались <...> Между танцами „музыка“, по заказу шафера, который был обязательно с белым бантом в петличке и вертелся кубарем, распоряжаясь танцами, — играла что-нибудь „из увертюры“, или „тянули“ русскую песню, под которую иной подвыпивший гость поплачет, посылая к черту всякую другую музыку, кроме русской песни» (с. 5–6).

Колоритные описания московских развлечений XIX в. (медвежья травля, кулачные бои, «Царь Максимилиан» и «Лодка» и пр.), представленные в мемуарах П. И. Богатырева, к сожалению, до сих пор не учтены научной литературой, посвященной традиционной зрелищной культуре. Полагаем, что специалисты в области народных театральных действий здесь могут найти много интересных деталей.

Укажем также, что традиционная зрелищная культура большого города — это не единственный фольклорный аспект в мемуарах Богатырева. Очерки отражают, какое место в сознании москвича второй половины XIX в., не обремененного университетским и гимназическим образованием, занимала история родного края, т. е. мемуары демонстрируют глубину исторической памяти городского жителя. Во многих очерках мы находим предания, связанные с Москвой. По всем очеркам, что вполне ожидаемо, рассыпаны описания звучащей песни. П. И. Богатырев не был собирателем устной словесности в привычном для нас понимании, однако его мемуарные наблюдения в области бытования народной поэзии вполне позволяют включить его имя в фольклористический круг.

---

¹³ *Богатырев П. И.* Московская старина. Рогожская застава // Московский листок: Прибавление. 1906. 17 сент., № 36. С. 4–7.

Литература

Московский листок: Иллюстрированное прибавление. 1906–1909.

Пружанский А. М. Отечественные певцы. 1750–1917. М., 1991. Ч. 1. С. 61–62.

Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX в. М., 1964.

Шкафер В. П. Сорок лет на сцене русской оперы. Воспоминания. 1890–1930 гг. Л., 1936. С. 20.

Щетинин Б. А. Артист-самородок (Памяти П. И. Богатырева) // Ист. вестник. 1908. № 7. С. 206.